

«ЗАБОТА О ТЕХНИКЕ» КАК ТОЧКА СИНГУЛЯРНОСТИ В РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ДИСКУРСА ТЕХНИКИ

О.А. Дольская
доктор философских наук, профессор

Обращение к технике становится все более актуальным, что указывает на ее роль не только в обществе, но и для каждого из нас. Тем более актуализируется проблема и ценностная оценка техники в контексте каждой цивилизации. Человечество знакомо с космогенной и техногенной цивилизацией. Сегодня закладываются основы для формирования нового витка цивилизационного развития – антропогенной цивилизации. Но предметом философского анализа техника стала недавно. Философия техники возникла в XIX в. Германии и Франции, а в начале XX в. – в России. Но уже в середине XX в. наблюдается обостренный интерес к технике, который проявляется не только в ценностной плоскости. Все больший интерес вызывает поиск ее онтологической сущности (Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс, Томас Веблен, Олвин Тоффлер и др.).

В каждой цивилизации складывается свой, присущий только ей дискурс своеобразного понимания техники. Внутри цивилизационного пространства создается дискурс, который формирует смысловое значение этого термина. Поиск же онтологического значения техники выступает достаточно сложной задачей. Примерами ее решения могут служить рассуждения П. Флоренского и М. Хайдеггера [1]. Первый ее сущностную основу предлагал искать в способности человека в организации пространства. Единственным механизмом этого процесса выступают смыслы и значения, которыми наполнял человек определенные предметы, явления. Техника выступала и средством достижения цели, и в то же время одним из элементов пространства, которое создается. Техника выступает как особенный путь нахождения бытия.

М. Хайдеггер обратил внимание на то, что мы находимся в плену именно инструментального значения техники, и современный дискурс техники оформляется, благодаря ее инструментальному пониманию. Чтобы освободиться от власти такого определения техники, необходимо понять, что означает «инструментальное» само по себе. Инструментальное определение техники может считаться верным, но верность должна быть обоснованной и такой, которая ведет нас к сущности и способу ее выявления – к истине. Хайдеггер пытался понять, что имели в виду древние греки под термином «инструментальное». Для них инструментальное – это действие, что делается с некоторой целью. Такое действие получает название «деятельностная причина» – αἰτιον. Эта причина никак не связана с латинизированным термином «causa». Для греческого сознания причина – это не то, что делается с чем-то. По своему значению греческий термин переводится как распоряжение в значении «творения». Но всякое творение, замечает Хайдеггер, по-гречески звучит как ποιησις (творчество). И именно благодаря творчеству раскрывается Природа (Φυσις), – замечает Хайдеггер. Но раскрывается в

высшем значении. «Творение приводит потаенное к непотаенному. Поэтому творение есть одновременно и Ent-bergen – «раскрытием», т.е. как раз тем, что греки называли словом αληθεία, а мы называем «истиной». Следовательно, заключает Хайдеггер, техника не есть просто «способ» в инструментальном значении, техника – это способ раскрытия истины. Поэтому античная αληθεία была нацелена на познание и выступала способом раскрытия истины, а не изготовлением чего-то ради некоторой цели» [2].

Сегодня мы говорим о технике и ощущаем ее по-новому. Уже в период Возрождения фиксируется совершенно новое понимание техники: оно уже не связывается с искусством, с творчеством. Ярким примером такой трансформации является творчество Леонардо да Винчи. Он воспринимается как художник, а его инженерное начало, инженерная деятельность пока еще растворена в искусстве. И, несмотря на то, что уже сделана заявка на чертеж как существенную часть технического изделия, несмотря на его активное участие в разработках технического характера, предназначенных для городской культуры, Леонардо остается художником. Но именно от него техника уже не воспринимается как искусство, она разделилась на два разных направления: реально-техническое и художественное. Первое ставило ставку на точность восприятия мира, а второе «вырывало» человека из эмпирики и «переносило» в воображаемую реальность.

В конце XVI в., и в XVII в. технические изделия приобретают массовый характер: техника активно внедряется во все области жизни, мир человека уже немыслим без нее. Она определяет не только уровень экономического, социального и политического развития, она выступает одним из мощных критериев в определении статуса государства, в работе прогностического характера и т.п.

И. Ньютон, Р. Декарт описали механический мир, который оказался чувственно «неотличимым» от нашего умения воспринимать макромир. Формируется дискурс нового восприятия и понимания техники через метафору часов, движущегося механизма, машины. Метафора машины настолько была понятной и воспринимаемой буквально, что техника стала открыто ассоциироваться именно с машиной. Этот образ стал достаточно удобным для классической парадигмы научной рациональности: она адекватно описывала макромир, жизненный мир человека, а метафора машины просто была находкой для наглядности его описания. Видимо поэтому в системе образования через обучение воспроизводится, прежде всего, техника мышления, сформированная классической научной рациональностью.

Вместе с «машинным» пониманием техники существенно изменилось и понимание природы. В окружающем мире, благодаря технике, все переводится в имеющееся состояние как назначенное к поставке чего-то ради чего-то. Современная техника раскрывает себя во властном требовании к природе, а именно – поставлять энергию. Это новый тип потаенности, за которым скрыта некая сущность техники. Особенностью современной техники является то, что ее наглядное состояние не является чем-то внешним для человека как предмет, который противостоит

стоит ей. Имеющееся состояние – это способ осуществления не только техники, но и самого человека. М. Хайдеггер замечает, что это требование бытия: для того, чтобы человек мог раскрыться, необходимо все привести в имеющееся состояние. Это так называемый Постав. В этом мире поставляется все: природа, недра, космос, сам человек. Постав есть средство осуществления и техники, и самого человека. Именно поэтому Постав остается незаметным для человека.

Представляя себя творцом и господином, почти что Богом, человек не видит себя, потому что находится полностью в границах Постава. Здесь хотелось бы сделать небольшой экскурс в миф, чтобы понять еще одну грань связи человека и божества. О том, что техническая деятельность сродни божественной, мы находим в мифе. Она рассматривалась и оценивалась как работа по подражанию действию богов. В традиции олимпийского пантеона людей расценивали как последователей Гефеста. Это был достаточно странный бог даже с позиции той сюжетной канвы, которая присутствует в мифах о нем. Нежеланный сын Зевса, сброшен с Олимпа, живет в долине и редко приглашается к Зевсу во дворец. В то же время его жена – самая прекрасная богиня – Афродита. Бог войны Арес не в состоянии «тягаться» с ним силой, когда Гефест разгневан. Чаще всего боги сторонятся его не потому, что общение с ним неприятно, а, скорее, опасаясь навлечь на себя его гнев или просто привлечь внимание. Фигура, по меньшей мере, парадоксальная. Люди, создающие технические изделия, называют себя гефестидами, последователями дела Гефеста. Их изделия приравниваются к божественным и по красоте, и по необычности своего применения, и по символической силе, создавая особые условия для жизни тому, кто владеет этим изделием.

Индустриальный виток развития и НТР способствовали формированию нового дискурса техники. Уровень ее развития стал рассматриваться в современных исследованиях различного характера как основополагающий. Нам бы хотелось сконцентрировать внимание на одном существенном факте техногенной цивилизации. В это время происходит формирование первых академий наук и открытие первых высших технических заведений. Это время появления первых технических высших школ. Первая такая школа возникает в XVIII в. во Франции, ее имя – Школа мостов и дорог. В 1885 г. открывается Харьковский политехнический институт, а в период с 1898 по 1902 гг. в России было создано уже шесть новых технических высших учебных заведений. В это же время выходит положение Николая II об учреждении Киевского политехнического института. Чуть позже Киевский, Варшавский и Санкт-Петербургский политехнические институты получают статус Императорских.

И в это же время складывается феномен отчуждения человека от техники. Ввести в жизнь машину – это не только улучшить жизнь, сделать ее комфортной: техника присутствует не только вокруг человека, она уже есть его составной частью, частью его жизни. Попытка рассмотреть технику в контексте труда получила в современных исследованиях второе дыхание. Она связана с именем Жильбера Симондона, который считал, что изучение производства и управления для понимания техники, не

позволяет дать ей четкую оценку в контексте проблем, характерных для человека нового цивилизационного рывка. Он считает, что технику лишили человеческого, превратив ее в чисто функциональный механизм. Он обращает внимание на то, что техника вмещает в себя такой пласт «человеческого», который ранее вообще оставался незамеченным и приподнимает технический объект на пьедестал научности. «Стало быть, технический объект привносит категорию более широкую, чем труд: это операторное функционирование. Последнее предполагает, что основой технического объекта, условием его возможности является акт изобретения. Вместе с тем, изобретение – это не труд, оно не предполагает психосоматической медиации между природой и человеческим видом. Изобретение есть не только адаптивное и защитное поведение, это ментальная операция, ментальное функционирование, принадлежащее к тому же порядку, что и научное знание» [3].

Симондон формирует концепцию утраты индивидуальности в контексте отчуждения человека: в XIX в. рабочий, подчиненный обслуживанию механических орудий труда, утратил свое ноу-хау и таким образом саму свою индивидуальность. Сам себя он обнаружил, будучи сведенным к статусу пролетариата. Для сравнения, сегодня в такой роли оказался потребитель, поведение которого стандартизируется, благодаря искусственному производству его желаний. Здесь он теряет свой стиль жизни, т.е. собственную способность жить. «Высокие образцы» заменяются самыми последними модными брэндами. Аналогичная ситуация сложилась и с пролетариатом, который оказался в противостоянии не только к машине, но и к себе, и к науке и технике.

Преодолеть отчуждение человека позволит новый дискурс и созданная им реальность, считает Ж. Симондон, которые формируются на основе трансиндивидуальных коллективов. «Путь к уменьшению отчуждения лежит не через социальную сферу (включая трудовую общину и класс) и не через область индивидуальных отношений, рассматриваемых обычно психологией, а через трансиндивидуальный коллектив. Технический объект возник в таком мире, в котором социальные структуры и психические содержания были сформированы трудом, а это значит, что технический объект ввели в мир труда вместо того, чтобы создать мир техники с новыми структурами. Машина познается и используется через труд, а не через техническое знание; отношение рабочего к машине неадекватно, поскольку, взаимодействуя с машиной, он не продлевает свою работу изобретательской деятельностью» [3]. В словах Симондона чувствуется призыв к творческому развитию ежесекундно: не только пользоваться тем, что уже изобрели, но включиться в процесс развития трансиндивидуального коллективного достижения. Интересно отметить, что Н. Луман, размышляя в конце XX в. о статусе разума XXI в., приходит к выводу о его трансверсальности. Идея разума рассматривается им в смысле трансиндивидуальных структур, которые выражаются на конкретно-историческом языке, зависящим от конкретной эпохи и представляющим тот или иной тип рациональности [4].

Формирование нового дискурса требует новых терминов,

позволяющих связать в единое целое онтологическую сущность человека и техники. Сегодня все чаще в философии звучит термин «забота» и философия техники не исключение. Забота о себе М. Хайдеггера, М. Фуко, забота о себе у П. Рикера, забота о технике Ж. Симондона. На наш взгляд, смысловое содержание этих терминов находятся в отношении пересечения. Вот как Рикер в рассуждениях о даре, выходит на онтологическую и этическую составляющую трансиндивидуального. Рикер пытался найти ответы, связанные с проблемами идентичности человека, с проблемами его становления. Забота является фундаментальной характеристикой человека. Причем не та забота, которая тождественна обязанности, а забота, которая приравнивается к дару. П. Рикер проводит параллель между понятиями «прощение» и «дар». «Дар выступает против рыночного обмена, в котором дар рассматривается как возможность получить что-то взамен... Это означает давать, не ожидая ответа. Возможно, это слишком аскетическое восприятие дара. Но необходимо видеть его мистический смысл, знать, что таким образом обмен совершается на глубинном уровне» [5].

Такой «глубинный уровень» связывается с ситуацией со-бытия. А. Уайтхед, объясняя ситуацию события, делает следующее уточнение: принципы становления объективной действительности невозможны без реформированного субъективистского принципа – «принципа индивидуальности» [6]. Так, Уайтхед объяснял процесс становления – как становление субъективного единства, вбирающего в себя объективную данность. Эта данность «стягивается в единстве опыта».

Проблему данности рассматривали Э. Гуссерль, который утверждал эквивалентность данности и феномена, М. Хайдеггер, связывая ее с бытием, а затем Ж.-Л. Марион, который отталкивался в своих размышлениях от полемики с Ж. Деррида по вопросу относительно феномена дара [7].

Ж.-Л. Марион приходит к такому выводу. Данность, т.е. способность являться, есть глубинное свойство всех феноменов [8]. С ее помощью «феноменологически возможно описывать не только объекты, как это делал Кант и отчасти Гуссерль, и не только бытие, как это было у Хайдеггера, но также и открытые поздними феноменологами – Левинасом, Рикером, Гадамером, Деррида – такие феномены, как этика другого, историческое событие, нарратив, *différence* и т.п.» [8]. Следовательно, в даре как в данности реализуются и этические, и онтологические характеристики, а категория «забота» имеет особый ритм существования, т.к. может быть причислена как к онтологическому, так и к этическому ряду категорий. Поэтому в диалоге принцип индивидуальности реформируется: реализуется вертикальный ритм онтологического характера в отношениях между людьми. Основанием для онтологического характера отношений выступает дар человека, соединяющий в себе и онтологическое, и этическое измерения.

В контексте такого понимания заботы прозрачным становится предложение Симондона об освобождении машины от машинного ее понимания. Призыв заботиться о себе подводит нас к мысли о формировании совершенно нового человека. Этот нечеловек, вероятно, появится только при условии коренного

пересмотра такого привычного для индустриального общества выражения: «техника вышла из-под контроля, и человек уже ничего не может сделать, чтобы контролировать ее». Изменить характер такого дискурса о технике и в полной мере реализовать себя как индивидуальность позволит только практика коллективного трансиндивидуального. Именно в контексте такой трансиндивидуальности формируется неочеловек О. Тоффлера. У Тоффлера он получает статус технореволюционера [9]. Уже сейчас, считает Тоффлер, технореволюционеры встречаются как некие носители «новых рассуждений» в существующей техногенной цивилизации. «Технореволюционеры ставят вопросы так: либо мы будем контролировать технологию, либо она будет контролировать нас; «мы» просто больше не можем быть обычной крошечной прослойкой элиты из ученых, инженеров, политиков и бизнесменов. Время требует демократизации процесса принятия технологических решений.

Антиядерные кампании, которые развернулись в Западной Германии, Франции, Швеции, Японии и США, борьба против «Конкорда» или за контроль над генетическими исследованиями – все это наглядное свидетельство требований сегодняшнего дня» [9, с. 120].

Напомним крылатое выражение А. и Б. Стругацких: «Думать – это не развлечение, а обязанность», которое следует усилить словами «обязанность и забота». Хотелось бы надеяться, что технореволюционеры руководствуются именно этими принципиальными положениями. А что до нас, жителей XXI в., то мы не можем пользоваться автомобилем без знакомства с его устройством, мы не можем совершать электронные платежи и покупки без элементарных знаний информационных технологий. Техника «заставляет» нас все время обучаться все в новых и новых для нас режимах. Перед нами реализация того феномена заботы о себе, который активизирует диалог с техникой. Почему диалог? Техника уже сегодня выступает как результат изобретения и носитель информации, а не утилитарный объект. Каждый новый виток развития именно в области технических достижений приводит к необходимости нового витка специализированного знания и, как следствие, требуются усилия для их творческого усвоения человеком новой цивилизации. Новый дискурс техники откроет и новые возможности для человека.

Литература

1. Павленко А.Н. Возможность техники. О. Павел Флоренский и Мартин Хайдеггер // Человек. 2003. № 3. С. 67–77.
2. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. М., 1993. С. 74.
3. Симондон Ж. О способе существования технических объектов. Альманах «Транслит». 2011. № 9. С. 94–105. <http://litbook.ru/article/266/>
4. Luhmann N. Das Erziehungssystem der Gesellschaft. Frankfurt am Main, 2002.
5. Рикер П. Прощения і дар // Дух і Літера. Національний Університет «Києво-Могилянська Академія», Центр Європейських Гуманітарних досліджень. К, 1997. С. 333–336.
6. Уайтхед А.Н. Избранные философские работы. М., 1990. С. 685.
7. On the Gift: A Discussion between Jacques Derrida Jean-Luk Marion

// God, the gift and postmodernism / edited by John D. Caputo and Michael J. Scanlon. Indiana, 1999. P. 55–59.

8. Marion J.-L. Sketch of Phenomenological Concept of Gift // Post Modern Philosophy and Christian Thought / Ed. By M. Westphal. Indiana, 1999. P. 20–53.

9. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004.

Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»,
Украина